

*А.Е. Богуцкий***Военная и политическая деятельность атамана Иркутского казачьего войска П.П. Оглоблина***A.E. Bogutsky***Military and Political Activity of the Irkutsk Cossack Army Ataman P. P. Ogloblin**

Рассматривается военная и политическая деятельность иркутского казака, первого атамана образованного в 1917–1919 гг. Иркутского казачьего войска П. П. Оглоблина. За основу исследования взяты материалы Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного военного архива.

Ключевые слова: П. П. Оглоблин, Иркутское казачье войско, Гражданская война, эмиграция.

В последние годы одним из перспективных направлений в исследовании Белого движения, на наш взгляд, является изучение биографий его участников. Биографические данные, с одной стороны, являются отражением судьбы страны, с другой — в них раскрывается личностная уникальность человека, его внутренний мир. В настоящей статье автор ограничивается сравнительно небольшим кругом вопросов, обращаясь к исследованию военной и политической деятельности атамана Иркутского казачьего войска, георгиевского кавалера, генерал-майора Прокопия Петровича Оглоблина. К сожалению, квалифицированных биографий этой личности по существу нет, за исключением работ П. А. Новикова [1; 2] и Н. М. Меринова [3]. Они, рассматривая некоторые эпизоды Гражданской войны в Иркутской губернии, косвенно затронули отдельные моменты биографии П. П. Оглоблина. Небольшие справочные статьи о нем есть в работах «Белое движение. Энциклопедия гражданской войны» [4] под редакцией С. В. Волкова и биографическом справочнике «Белые генералы Восточного фронта гражданской войны» [5].

Прокопий Петрович Оглоблин родился 8 июля 1872 г. в Иркутске, в семье потомственного иркутского казака. Военную службу начал в 1890 г. рядовым казаком в Иркутской казачьей сотне, откуда в 1894 г. командирован в Иркутское юнкерское училище для получения общего и военного образования. В 1897 г. П. Оглоблин по окончании училища был направлен на службу в Забайкальское казачье войско в чине хорунжего. Здесь он служил в 1-м Нерчинском и 1-м Аргунском казачьих полках, принимал участие в войне с Китаем 1900–1901 гг. и Русско-японской

The military and political activity of P. P. Ogloblin, the first ataman of the Irkutsk Cossack army formed in 1917–1919 is considered in the article. Materials from the Russian State Military Historical and the Russian State Military Archives are used as a basis of the research.

Key words: P. P. Ogloblin, Irkutsk Cossack army, civil war, emigration.

войне 1904–1905 гг. [6, с. 303–308]. В период службы женился на уроженке Симбирской губернии Пелагее Евстафьевне Липатовой, от брака с которой у него в 1912 г. родилась дочь Таисия [6, с. 306].

Первая мировая война застала П. Оглоблина в чине есаула 1-го Нерчинского казачьего полка Забайкальского войска. Интересен тот факт, что в полку служили офицеры, многие из которых позже приняли участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Так, полком командовал будущий командующий Добровольческой армией и главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, сформировавший правительство Юга России в 1920 г. барон П. Н. Врангель, а сотнями видные деятели Белого движения в Забайкалье и Монголии забайкальский казак Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг.

Есаул П. Оглоблин принял участие в боях против германских войск, а позже был переведен на Кавказский фронт, где русская армия сражалась с союзницей Германии Османской империей. На Кавказском театре военных действий иркутский казак командовал 3-м Верхнеудинским казачьим полком Забайкальского войска и 1-м Сунжеско-Владикавказским полком Терского войска.

Для того чтобы не допустить прорыва турецких войск на российский Кавказ через территорию Персии, в ее северной части был расквартирован Отдельный экспедиционный кавалерийский корпус под командованием генерала Н. Н. Баратова. Некоторые части корпуса находились у озера Урмия и получили название Урминского отряда. В этом отряде П. Оглоблин был начальником штаба, а позже возглавил бригаду, с которой участвовал в наступлении

на иракский город Мосул (территория современного Ирака в начале XX в. входила в состав Османской империи). Фактически иркутский казак принял участие в уникальной операции. Это была самая южная граница боевых действий, которые вела русская армия в годы Первой мировой войны.

Боевые заслуги офицера П. П. Оглоблина отмечены многочисленными отечественными и зарубежными наградами, среди которых и самый почетный военный орден русской армии — орден Св. Георгия 4-й степени, который свидетельствовал о несомненных высоких профессиональных качествах награжденного.

Первую мировую войну Прокопий Петрович Оглоблин закончил после Февральской революции в чине полковника [1, с. 268]. Он возвратился в Иркутск, где был назначен командиром Иркутского конного казачьего дивизиона, а осенью 1917 г. казачьим населением Иркутской губернии избран атаманом новообразованного Иркутского казачьего войска. Следует отметить, что до Февральской революции 1917 г. этого казачьего войска в царской России не было. На территории Иркутской губернии проживало немногочисленное (около десяти тысяч человек обоего пола в 1917 г. [7, л. 28–28об.]) казачье население, не имевшее из-за малочисленности и большой разбросанности по губернии войскового статуса и подчинявшееся вне службы гражданским властям. С падением самодержавия, в апреле 1917 г., прошел первый съезд иркутского казачества, на котором было принято решение об образовании из казачьего населения губернии нового казачьего войска — Иркутского [8]. К осени 1917 г. было сформировано войсковое правление Иркутского войска и избран войсковой атаман [9, л. 161–162]. На наш взгляд, выбор войсковым атаманом П. Оглоблина не случаен. Думается, что, по мнению казаков, войско должен был возглавить человек, пользующийся авторитетом в казачьей среде. Прокопий Оглоблин идеально подходил для этой роли — заслуженный боевой офицер, георгиевский кавалер, отдавший многие годы службы царю и Отечеству. Дальнейший процесс создания войсковых структур приостановила Октябрьская революция и установление советской власти на территории Сибири в конце 1917 г.

В Иркутске недовольство политикой большевиков вылилось в вооруженное антисоветское восстание, активное участие в котором приняли иркутские казаки. Восстание завершилось поражением антисоветских сил, и войсковому атаману, опасавшемуся расправы со стороны большевиков, пришлось бежать на Дальний Восток. Здесь он поступил на службу в Особый Маньчжурский отряд есаула Г. М. Семенова, с которым служил в годы мировой войны. Именно в Маньчжурском отряде Прокопий Оглоблин, согласно статуту ордена Св. Георгия, был произведен

в чин генерал-майора со старшинством с 26 ноября 1917 г. После свержения советской власти на Дальнем Востоке, с 8 октября по 19 ноября 1918 г. П. Оглоблин является начальником штаба Пятого Приамурского корпуса. Позже иркутское казачество вновь утвердило генерал-майора в должности войскового атамана [5, с. 152–153]. Подобный послужной список характеризует его как человека, имевшего солидный военный и военно-административный опыт.

С началом Гражданской войны, свержением первой советской власти в Сибири в 1918 г. продолжилось оформление войсковых институтов новообразованного войска. Для окончательного решения вопроса о войсковом статусе иркутских казаков 20 мая 1919 г. атаман П. П. Оглоблин сделал доклад Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку об утверждении Иркутского казачьего войска. В докладе атаман привел краткую историческую справку о жизни и службе восточносибирского казачества [10, с. 269–271]. По нашему мнению, это было сделано для того, чтобы дать Верховному правителю представление о причинах провозглашения в 1917 г. Иркутского войска и стремлении иркутских казаков закрепить войсковой статус на законодательном уровне. Адмирал А. В. Колчак достаточно быстро решил вопрос с войсковым статусом иркутских казаков. Уже 10 июня 1919 г. совет министров колчаковского правительства специальным постановлением признал их отдельным казачьим войском [11, с. 111].

Признание на правительственном уровне иркутского казачества отдельным войском ликвидировало зависимость казачьего населения Иркутской губернии от гражданских властей и уравнило данную категорию казаков в правах, присущих войсковому сословию, с другими казачьими войсками. Новое войско сформировало для Белой армии четырехсотенный конный полк, несколько дружин самоохранны станций от красных партизанских отрядов и пулеметную команду. Некоторые иркутские казаки несли службу вне родного войска. Например, ряд иркутских казачьих офицеров служили в Оренбургском казачьем войске, на помощь которому П. Оглоблин предлагал послать сотню иркутян, о чем известил войскового атамана оренбуржцев [12, с. 278]. Сам иркутский войсковой атаман был подчинен военному министру через его помощника по казачьим делам генерал-майора Б. И. Хорошкина. По положению об управлении казачьими войсками атаману П. П. Оглоблину подчинялись все казачьи части войска, а сам атаман получал права командира отдельного корпуса [13, л. 16–16об.].

Вступив в должность, иркутский атаман попытался продемонстрировать свои административные и политические возможности перед командованием Иркутского военного округа. 13 июня в Иркутске представитель находившегося в тот период в Омске П. Оглоблина заявил, что Иркутский

казачий полк не признает власти командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта В. В. Артемьева [1, с. 268]. Подобное заявление в условиях войны было прямым нарушением всех армейских законов и правил, в том числе таких, как жесткая дисциплина, субординация, беспрекословное выполнение приказов вышестоящих начальников и т. д. После переговоров личный состав казачьего полка с помощью нескольких рот пехоты Иркутского гарнизона был разоружен и арестован. В ответ на это иркутский атаман подал рапорт об отстранении от командования полком забайкальского казака полковника П. И. Войлошников, считав, что тот не соответствует занимаемой должности. Новым командиром полка Оглоблин самостоятельно, без согласования с вышестоящим начальством, назначил полковника Оренбургского казачьего войска А. Бычкова. Командующий округом генерал В. Артемьев указал на недопустимость вмешательства войскового атамана в строевую часть. Новый командир полка, полковник А. Бычков встретил противодействие со стороны командующего Иркутским военным округом и командира Сводной казачьей бригады генерала И. Ф. Шильникова [1, с. 268], не признавших легитимность его назначения.

7 июля приказом № 1 П. Оглоблин приказал начальнику Сводной бригады И. Шильникову и командиру полка П. И. Войлошникову не посещать полк, что только обострило конфликт. Чтобы выйти из этой ситуации, атаман назначил временно исполнять обязанности командующего полком войскового старшину А. А. Могилева. Но ситуация продолжала обостряться. 8 июля Войсковое правление, в знак солидарности с атаманом Оглоблиным, исключило из иркутского казачьего сословия нескольких офицеров Сводной казачьей бригады [14, л. 6; 15, л. 107]. Это повлекло за собой ответные действия со стороны командующего округом генерала В. Артемьева, который в тот же день отдал приказ о привлечении генерала П. Оглоблина к «законной ответственности» [1, с. 268] в связи с «антидисциплинарными действиями» войскового атамана, нарушившего несколько статей Сводов военных постановлений. Мерой пресечения на время следствия и суда для атамана Оглоблина был избран домашний арест. Были арестованы и члены войскового правления, поддержавшие атамана, а именно: помощник атамана С. А. Лукин, представитель Иркутского войска в Омске хорунжий С. М. Мелентьев, казначей П. П. Хороших и др. Но даже после ареста Оглоблина и большей части членов войскового правления противостояние продолжилось. Взаимоотношения с командованием округа не оставляли равнодушными и простых казаков. В июле-августе 1919 г. в Иркутске прошли заседания чрезвычайного казачьего круга. Несколько недель после ареста Оглоблина обсуждались отношения с командованием военного округа.

По просьбе П. Оглоблина для рассмотрения конфликта в Иркутск прибыла чрезвычайная комиссия из столицы «белой» Сибири Омска. В ее постановлениях иркутский войсковой атаман обвинялся по статьям 110, 112, 141, 145, 319, 470–474 Свода военных положений — «ниспровержение существующей власти» [16, л. 33, 62]. Из-за судебного расследования была задержана отправка на фронт 2-й сотни Иркутского казачьего полка, которая выступила на стороне атамана.

При рассмотрении дела был опрошен ряд офицеров и генералов военного округа, в том числе и начальник Отдельной Сводно-казачьей бригады генерал И. Ф. Шильников. Поведение иркутского атамана И. Шильников объяснял следующими причинами. Во-первых, якобы, личным неприязненным отношением к нему П. Оглоблина. Дело в том, что 2 октября 1918 г. по распоряжению Г. Семенова по ложному обвинению генерал И. Шильников был арестован в Чите и доставлен на станцию Маньчжурия, начальником гарнизона которой был П. П. Оглоблин. По приказу П. Оглоблина И. Шильникова посадили в один вагон с убийцами, солдатами и «буянами-офицерами» [14, л. 12]. К генералу был приставлен конвой, и даже в баню его сопровождали казак и китаец-хунхуз. «После такого отношения ко мне, — докладывал И. Шильников начальству, — ему просто неудобно встречаться со мною» [14, л. 12].

Во-вторых, подобное поведение иркутского атамана И. Шильников объяснил желанием П. Оглоблина иметь в подчинении строевую часть. Это позволило бы атаману опереться на реальную силу, которая могла усилить его влияние. По свидетельству Шильникова, об этом Оглоблин неоднократно говорил командиру полка полковнику Войлошникову и даже предпринимал шаги по подчинению полка себе еще с конца 1918 г., но получил отказ от вышестоящего начальства. Наконец, ситуация была спровоцирована, по мнению И. Шильникова, личной неприязнью Оглоблина к полковнику Войлошникову [14, л. 12–12об.].

Изложенные И. Шильниковым причины подобного поведения иркутского атамана нашли подтверждение во мнениях офицеров и начальников, участвовавших в разрешении сложившейся ситуации. При этом генералу И. Шильникову и полковнику Войлошникову были даны прекрасные характеристики как офицерам, честно исполнявшим службу и не склонным к разного рода интригам [16, л. 34, 95].

Согласно Своду военных постановлений 1869 г., действовавшему в колчаковской армии и в 1919 г., войсковой атаман не имел права вмешиваться в дела строевой части, каковым являлся Иркутский казачий полк. Конфликт, по мнению И. Шильникова, начал разгораться после приезда П. Оглоблина из Омска, когда войсковой атаман открыто стал уговаривать офицеров полка «сплотиться вокруг него», намекая

при этом на слабость омского правительства и «возможность воспользоваться случаем и получить побольше прав» [14, л. 15]. Шильников пытался рассмотреть притязания Оглоблина по прибытии с Дальнего Востока походного атамана казачьих войск генерала А. И. Дутова. Это не входило в планы Оглоблина, вероятно, поэтому он инициировал выступление полка.

Источники свидетельствуют о том, что конфликт между П. Оглоблиным и командованием бригады, военного округа называл еще с конца 1918 г. [17, л. 59, 61–62]. Атаман явно переоценил значение своего войска. Командующий Иркутским военным округом генерал Артемьев в марте 1919 г. в рапорте военному министру отметил, что, по его мнению, в военное время Иркутское казачье войско с большим напряжением могло выставить только один четырехсотенный полк. Постоянное вмешательство в дела строевых частей войскового атамана тормозило процесс формирования и воспитания частей. Такое положение Артемьев связывал с отсутствием старых опытных кадровых офицеров, которые могли воспитывать казаков и руководить ими. Генерал Артемьев высказался за временное, «чтобы они не закрывали движения войсковых офицеров» [18, л. 33–33об.], назначение опытных офицеров из других казачьих войск. Командующий округа в данном случае фактически поддержал начальника Сводной казачьей бригады генерала И. Шильникова, предложившего для «пользы службы» прикомандировать к Иркутскому казачьему полку офицеров из других войск [18, л. 14, 33об.].

Генерал Артемьев вынужден был подать рапорт в связи с поступившим 17 марта 1919 г. на его имя рапортом иркутского войскового атамана, в котором последний выразил свое неудовольствие попытками И. Шильникова назначить на командные должности в полку офицеров из других казачьих войск. Атаман апеллировал к постановлениям войсковых кругов, согласно которым любые офицерские должности должны были занимать казаки Иркутского войска [18, л. 14–15]. По всей видимости, П. Оглоблин пытался поставить на командные должности офицеров Иркутского войска, чтобы строевые части подчинялись ему без каких-либо разногласий. Если бы командные должности в войсковых частях занимали офицеры из других казачьих войск, войсковой атаман не смог бы влиять на подразделения из иркутских казаков.

Итогом судебного разбирательства, в который вмешались походный атаман казачьих войск генерал А. И. Дутов, атаманы Забайкальского и Уссурийского казачьих войск Г. М. Семенов, И. М. Калмыков и ряд других авторитетных казачьих лидеров, стал оправдательный приговор П. Оглоблину. Согласно телеграмме Верховного главнокомандующего А. Колчака (от 23 июля за № 112) полковник П. Войлошников был отстранен от командования полком и прикомандирован к штабу Иркутского военного округа.

Командование полком принял полковник А. Бычков [15, л. 106]. Подобные уступки верховной власти можно отнести к ее слабости, стремлению не обострять отношения с казачеством в целом, ведь казаки составляли значительную часть Белой армии, к тому же они были более надежны и подготовлены в военно-политическом отношении, чем призванные в пехотные части крестьяне.

Иная точка зрения на происходившие события была у иркутских казаков. Действия атамана П. Оглоблина рассматривались на заседании 4-го круга Иркутского казачьего войска. Делегаты круга посчитали решение атамана П. П. Оглоблина правильным. Как казак, он защищал прежде всего интересы казачества. Члены круга обратились к походному атаману А. И. Дутову, чтобы тот ходатайствовал перед А. Колчаком о возвращении казакам оружия. Оно, считали иркутские казаки, должно быть возвращено с воинскими почестями и в присутствии частей гарнизона, проводивших разоружение и охрану казаков, поскольку «войско позора разоружения принять не может» [15, л. 102об., 107].

Встает закономерный вопрос: чем вызваны описанные события? Анализ документальных источников, научной литературы дает основание полагать, что они были связаны с таким явлением, как атаманизм. До того положения, которое занимали в военной и политической иерархии атаманы А. И. Дутов, Г. М. Семенов, И. М. Калмыков, иркутянина П. Оглоблину было далеко. Дело в том, что малочисленное иркутское казачество с большим усилием сумело сформировать только один четырехсотенный конный полк, который был подчинен строевому начальству, а не войсковому атаману, что не позволяло последнему опереться на него для укрепления своей власти и получения дополнительных прав от омской власти. Роль крупного военного и государственного деятеля этому атаману подходила мало. Можно согласиться с мнением П. А. Новикова о том, что конфликт командующего Иркутским военным округом и иркутским атаманом летом 1919 г., когда на фронте не хватало солдат, «иначе как абсурдным назвать нельзя» [1, с. 269]. Подобные противостояния с верховной властью в период войны грозили поражением Белой армии и политического режима, с падением которого мог потерять свою власть и атаман. Колчаковское правительство все же вынуждено было пойти на некоторые уступки генералу П. Оглоблину. Так, командиром Иркутского казачьего полка был назначен предложенный им оренбуржец, полковник А. Бычков. В то же время омское правительство сумело предотвратить серьезную конфронтацию с атаманом, тем самым ликвидировав очаг напряженности и не допустив его перерастания в активную фазу, т. е. возможное вооруженное столкновение казаков и правительственных войск.

Какова дальнейшая судьба П. П. Оглоблина? В январе 1920 г. при захвате эсеровским Политическим центром власти в Иркутске генерал-майор П. П. Оглоблин с частью иркутских казаков перешел на его сторону. Позже он поддержал советскую власть в Иркутской губернии, объяснив это тем, что будучи войсковым атаманом Иркутского казачьего войска, «выявил себя противником павшей власти Колчака, за что совместно с бывшими членами войскового правления, офицерами и казаками полка и был арестован» [1, с. 269]. Подобный факт свидетельствует о стремлении Оглоблина использовать свое неподчинение Верховному правителю для демонстрации лояльности к новой власти, при которой он хотел не только сохранить себе жизнь, но и власть. П. Оглоблину разрешили провести Пятый войсковой круг в апреле 1920 г., на котором иркутские казаки приняли ряд лояльных по отношению к советской власти постановлений. Исследователь Н. М. Меринов в своей работе «Иркутское казачье войско: история и современность» утверждает, что подобная лояльность П. Оглоблина была направлена на спасение иркутских казаков от репрессий советских карательных органов, которые уже в начале 1920 г. приступили к расказачиванию. Атаман не только стремился сохранить жизненный уклад иркутских казаков, но и делал все возможное, чтобы они продолжили борьбу с советской властью. Это выразилось и в призыве казаков вступить в сформированный 1-й Советский иркутский казачий полк. Большая часть казаков этого полка была активными участниками Белого движения. В полку служили и бывшие казачьи офицеры. В итоге, при каждом удобном случае казаки переходили на сторону белых [3, с. 352].

О степени доверия казаков своему войсковому атаману может говорить и факт его избрания на Пятом Войсковом круге (14 марта 1920 г.) делегатом в Москву на Всероссийский казачий съезд. Это единственный случай за годы Гражданской войны, когда на подобное мероприятие был избран не просто казак, а генерал Белой армии, войсковой атаман и георгиевский кавалер. Приступить к своим обязанностям на Всероссийском казачьем съезде П. Оглоблину все же не удалось. Он был арестован чрезвычайной комиссией и помещен в Омский концлагерь. После полугодичного заключения, его, как не нанесшего вреда Красной армии, выпустили на свободу. Возможно, факт неподчинения генерала приказам Верховного правителя, бунт иркутских казаков способствовали такому решению советских властей [3, с. 357; 5, с. 153]. По воспоминаниям дочери Оглоблина, Таисии Прокопьевны, отец сбежал из концлагеря и зимой появился в Иркутске. Позже по льду Байкала ушел в Забайкалье [19]. Атаман сумел пробраться в контролируемое белыми Приморье, где летом 1922 г. принял

участие в Земском собрании. После эвакуации остатков белых армий из Приморья П. Оглоблин оказался в Китае, в Шанхае.

С 1925 г. П. Оглоблин был одним из основателей и членом правления Казачьего союза, органа объединения проживавших в Шанхае и его пригородах казаков. Одновременно он стал атаманом зарубежной Иркутской казачьей станицы, сформированной из казаков-иркутян. Вскоре из-за возникших между ним и другими членами правления трений, связанных с отказом в выдаче ему союзом ссуды в пятьдесят мексиканских долларов, он вышел из него и создал собственную организацию «Казачье объединение», которая позже вошла в монархическое «Русское Зарубежное Патриотическое Объединение» [5, с. 153; 20, с. 118].

В последующие годы иркутский атаман не принимал активного участия в политике. 21 августа 1940 г. генерал-майор Прокопий Петрович Оглоблин скончался в Шанхае [5, с. 153]. Его семья, оставшаяся в СССР, подверглась репрессиям. Супруга Полина Евстафьевна была замучена в чрезвычайной комиссии. Дочь Таисию спасли казаки. Ее увезли в Верхоленскую станицу, где приемные родители воспитали ее и дали ей образование [3, с. 357].

Исследование военной и политической деятельности П. П. Оглоблина позволяет сделать следующий вывод. Прокопий Петрович Оглоблин являлся опытным профессиональным военным, принявшим участие в трех войнах, которые вела Российская империя в начале XX в., и в Гражданской войне. Его боевые заслуги отмечены как российскими, так и иностранными наградами. Избранный в 1917 г. иркутским казачеством атаманом новообразованного казачьего войска, он сделал все возможное, чтобы оно закрепило этот статус и получило официальное признание верховной власти. В годы гражданского противостояния П. Оглоблин проявил себя сторонником антисоветских сил. Это выразилось как в его участии в декабрьском антисоветском восстании 1917 г. в Иркутске и службе в Особом Маньчжурском отряде атамана Г. М. Семенова, так и в поддержке Белого движения на посту войскового атамана. В дальнейшем, подражая атаманам Г. Семенову и И. Калмыкову, генерал-майор П. Оглоблин попытался проводить самостоятельную политику. Попытка была пресечена командованием, хотя колчаковское правительство и пошло на определенные уступки иркутскому атаману. С падением власти адмирала А. В. Колчака П. Оглоблин признал власть политического центра, а позже и советскую власть. Это было сделано для сохранения за атаманом властных полномочий, с помощью которых он стремился сохранить казачий уклад жизни и спасти казаков от репрессий для продолжения борьбы на стороне Белого движения. Несмотря на лояльные лозунги и избрание делегатом на Всероссийский казачий съезд

в Москву войсковой атаман был арестован, но в дальнейшем смог принять участие в деятельности последнего Белого правительства в Приморье. В эмиграции он участвовал в создании ряда казачьих организаций, вновь стал атаманом иркутских казаков за рубе-

жом, но серьезной политической роли уже не играл. Вынужденная эмиграция стала закономерным итогом его военной и политической деятельности в Белом движении на посту войскового атамана Иркутского казачьего войска.

Библиографический список

1. Новиков П. А. Неподчинение атамана П. П. Оглоблина // Белая гвардия : альманах. — № 8. — М., 2005.
2. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М., 2005.
3. Меринов Н. М. Иркутское казачье войско: история и современность. — Иркутск, 2009.
4. Волков С. В. Белое движение: энциклопедия Гражданской войны. — СПб. ; М., 2003.
5. Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : биографический справочник. — М., 2003.
6. Послужной список есаула 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Прокопия Петровича Оглоблина // Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII — начало XX вв.). — Иркутск, 2009.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). — Ф. 39515. — Оп. 1. — Д. 94.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 1468 — Оп. 2 — Д. 500.
9. РГВИА. — Ф. 1468. — Оп. 2. — Д. 468.
10. Материалы к истории антибольшевистского движения в Иркутском казачьем войске // Белая гвардия: альманах. — № 8. — М., 2005.
11. Постановление Совета Министров о признании Иркутского и Енисейского казачьих войск // Енисейские казаки. — Харбин, 1940.
12. «...Горячее желание маленького войска помочь старшим братьям...» // Белая гвардия : альманах. — № 8. — М., 2005.
13. РГВА. — Ф. 39709. — Оп. 1. — Д. 15.
14. РГВА. — Ф. 39515. — Оп. 1. — Д. 293.
15. РГВА. — Ф. 39709. — Оп. 1. — Д. 3.
16. РГВА. — Ф. 39515. — Оп. 1. — Д. 291.
17. РГВА. — Ф. 39515. — Оп. 1. — Д. 290.
18. РГВА. — Ф. 39515. — Оп. 1. — Д. 289.
19. Горенко З. Атаманская дочь // Земля (Иркутск). — 1991. — 25 ноября.
20. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). — М., 2004.